

на крыше
пятого
полюса

Рина Коленски

18+

Рина Коленски

На крыше пятого полюса

<https://litres.ru/74005279>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два одиночества, две жизни, одна война. Она оставила шрам в памяти этих героев.

Но даже это не помешало им смести пепел со своей окаменевшей души и открыть сердце для Любви и Надежды.

Две одичавшие и покалеченные судьбы, несущие на плечах тем не менее дюжину творческого потенциала.

Их встреча смогла раскрыть глубину каждого, понять им лучше жизнь, себя и окружающих.

В этой истории каждый найдет для себя что-то фундаментальное и основополагающее, близкое сердцу.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	32
Глава 4	35
Глава 5	38
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

На крыше пятого полюса

Глава

К60

© Рина Коленски: На крыше пятого полюса. Художественное произведение. Все права защищены.

© Оформление обложки: Р. Коленски.

© Компьютерный дизайн: В. Цветков.

Моей маме и любимому мужу посвящается...

Глава 1

Вечер. Глубокий вечер, томно переходящий в дымчатую ночь июля. Кто-то сказал, что ночи в теплый сезон короткие, но здесь, в сегодняшнюю ночь время остановилось. Оно не коротко, не длинно, его вообще не существует. Длина жизни определяется не временем, а другим измерением, и никому не интересно – каким. Кто-то намеренно повынил мал все батарейки из вечно тикающих механизмов, и часы прекратили своё движение.

Сегодня свинг остановил все стрелки часов и приговорил город к вселенской праздничной вакханалии. Камера движется по основанию досок и фиксирует, как гвозди не справляются держать сшитые бревна, что были положены для спокойных ног, но не для рок-н-ролла, джаза и свинга.

Здесь барабаны нахально заглушают естественный шум моря. Они словно призывают к войне, ударяют по раскаленным металлическим головам палками, подыгрывая зрителям ритм частыми похлопываниями. Взгляд в сторону, камера поворачивает объектив на девяносто градусов левее, и зритель слышит визг о помощи от несчастной гитары.

Разодранные в кровь пальцы дергают струны зрелой гитары, пытаются впиться ногтями в самые недра запотевшего инструмента, и тут же ласкают все его части, словно трогают волосы любимой женщины, после чего зажимают их в кулак.

Это была игра – словно последний раз перед верховным судом. Другая гитара была нежнее. Это была утонченная Мишель с тембром сопрано, что вытягивала сольную ноту, вела основную композицию, была Моисеем. Она как проводник к завязке, рефрену и кульминации. Она – Мишель, чья роль примы оркестра позволяет не сбиться со- листке, солистке группы – тёмной пантере, что прислуши- валась лишь к Мишель, ведь женщинам свойственно слушать лишь женщин. Мужчины – на фоне. Они агрессивны, настойчивы от раскаленных струн, огненных потоков лавы, что исходят от каждого удара барабанными палочками; женщины отказывались доверять им – горячим, макрабическим, анафемным, что создавали, по сути, настроение группы.

Весь спектр обозрения был направлен в центр, на колоритный образ этой никому неизвестной группы. Этот образ веял дикой Саванной. Каждый испытывал знойное же- лание попробовать – что значит испить кофейное зелье из кокосовой шапки. Это веяло дымчатым закатом, горечью и горячим, на что можно любоваться, но нельзя трогать. Обнаженная вспышка огня танцует тебе румбу, посылая вспышки страсти, манит почувствовать как это прекрасно – ощущать, что тело тлеет, загорается снова от каждого шага на встречу этому огню. Искусительными волнами своих бедер она приказывает не верить в разрушительный характер огня, ведь боль – это наслаждение.

Блистательные ноги, что отливали морским закатом, завораживали зрителей, погружая их в мягкий, усыпляющий гипноз. Она, словно читая мантру, разводила руки неспешными, покладистыми движениями и этим выигрывала, выигрывала на глазах у тысячи зрителей, что пришли лишь только попить коктейль. Но до рассвета они не выйдут из этой преисподней, ведь они – в ее сетях. Она давала знак агрессивному барабану, поворачивая голову в его сторону, отчего тот сильнее бил по блинам. От движений головой, концентрации пряного запаха – она становилась ещё выше. Это не волосы – это тонкие, слепленные вручную, палочки корицы, которую хочется добавить в кофе после сладкого секса...

Она пела под ритмы Джексона, лирической Адель, а заигрывающие ноты «Lady» заставляли получать эмоциональный оргазм снова и снова, после чего публика, закрывая глаза, хотела закурить. Капли пота разливались из-под шёлковых проволок её прядей – черных, как смоль, пахучих, как невыносимое искушение, волос. Каждый раз она была разной – словно женщина, у которой со сменой имиджа, платья менялись даже собственный запах, мироощущение и цвет глаз. Каждая песня – это новый знак, послыл для публики, это новый флирт. В репертуаре вечера – тридцать песен. Это значит – тридцать разных лиц, эмоций, переживаний. Эта музыка заставляла просыпаться мёртвых из преисподней. Но один мертвец всё же сидел неподвижно.

Невидимая сфера, что оставляет свои грязные следы в ба-

ре, отодвигает стул и оставляет официантам грязную посуду. Он хватает воздух, летящий сквозь вонючую толпу безразличных людей. Сам дышать не научился. Он почему-то занимает место за столиком, хотя для других это место всё же остаётся пустым. Он даже не издаёт какого-то запаха. Проходящие мимо, вдыхая воздух, не ощущают ровным счётом ничего. Просто дуновение – робкое, боящееся нарушить покой и внимание отдыхающих... Отдыхающих. А что такое отдых?..

Как они отдыхали? Набивали мешок хламом, который потом должен нести грузчик и вываливать содержимое в уборной, топить в жерле унитаза то содержимое, что утрамбовали в мешок. Помнят ли они о своём отдыхе? Нет. Им освещают память случайные свидетели, что присутствовали при гнусном соитии очередных случайных. Они не помнят, чем занимались после работы. Крайней точкой перед пропастью была вспотевшая бутылка пива, которую крепкая волосатая рука держит в баре. Далее – пропасть, темнота, вонь, пустота... утро. Боль, усталость, синяк, ссадина. Работа. Стрелка останавливается на двенадцати и начинает отсчет нового времени: вспотевшая бутылка, лениво сжатая в руке. Пропасть, темнота, ничего. Утро. Ух, лучше бы темнота. Как бы пережить очередное утро...

Публика... такова эта публика.

Ее присутствие и случайная улыбка были для него наградой. И как любой спортсмен, что не стесняется наступить

на горло конкуренту, она так же не желает потерять свой трофей. Трофей, что подписан ее именем. И это тот незабываемый девственный подарок, что существует лишь один в своём роде. И он желает с властностью и с жадностью, чтобы этот подарок принадлежал лишь ему. Но, если бы вы знали, какая ничтожная и лишенная малейшей величественности была его оболочка. То мысли Цезаря, великого победителя, разрывались, стирались в порошок, когда он глядел на себя в зеркало..

– Я, – говорил он, – эгоистичная натура, что хочет питать своё Это привкусом, лишь привкусом ее любви, но не послевкусием. Когда он растворяется на языке, то желание описывать свои чувства пропадает. Хочется просто соединить воедино все чувствительные рецепторы и начать лёгкое трение языка о небо, смакуя это невообразимое блюдо. Это лучше карамели, лучше пастилы, трюфеля, молочного нежного бельгийского шоколада. Лучше пряных запахов ванили и корицы. Это выше, чем все деревья, небоскрёбы мира, выше, чем виноградники чилийских гор. Это растёт на седьмом небе под именем Счастье.

Он помнил, как вчера она примеряла шелковую перчатку недотроги. Это была чёрная перчатка. И, наблюдая за движениями ее рук, он представлял, как нити, обволакивающие каждый пальчик, обнимают, обнимают его плечи, подчеркивая их величественность. Руки скреплялись внизу и разлетались безропотно пылью на ветру... На этом его воображе-

ние иссякло. Без стука ворвалась мысль о том, что он видит каждое утро, и мечта канула в лету.

В своём заказе он был статичен и настолько незаметным клиентом, что официанты снова и снова спрашивали его что он будет заказывать, не понимая, что как раз он и является их постоянным посетителем. Ингредиенты не менялись никогда – сигара (чтоб придать «образу» статусности) и стакан кальвадоса.

Она была для него больше, чем просто женщиной. Для него это был человек, который показывал всем, как стоит жить. Жить, словно ты выкрикиваешь свою любимую песню, не стесняясь прохожих, словно последний раз поднимаешься в небо и... тебе скоро падать, а ты все равно кричишь гимн о победе и отказываешься показывать белый флаг. Из всего перечисленного он не умел делать ровным счётом ничего. Вся его жизнь была «словно» но не «в действительности».

Особенно он любил приходить по вечерам, потому что тогда она надевала шелковую перчатку. Такая недоступная. Чёрный цвет оттеняет неприступной синевой и могущественным блеском её блестящие губы. Нет, такая перчатка не каждому по карману. Такая девушка не каждому и по здоровью. В ее личном серванте шелковая перчатка имела отдельное место – в бархатной коробке, подальше от назойливого света и любопытных соседей. Все завистницы заглядывали той в подкладку, но все же она оставалась фавориткой для хозяйки. Нет, это была ни трикотажная, ни батистовая, ни

велюровая перчатка, а именно шелковая – коварная пантера, что отликает блеском своих чёрных нитей и не подпускает никого близко. Она козырь хозяйки. Её дикое начало. И создана была перчатка для от- дельного случая.

А, придя в лобби, не сразу заметишь этот макабрический сервант, что открывал ворота в иной мир – мир художественных обломков, не имеющий ничего общего с искренностью и естественным поведением. Это был мир театров и сменных костюмов. Это были перчатки, и она их жадно коллекционировала. Словно Жан Батист, она также снимала кожу со своих жертв и примеряла. Ее каждое убийство имело своё триумфальное окончание – она шила новое платье, новый облик для своей хрупкой кисти. И эти флюиды того или иного настроения распространялись по всему телу... и теперь она не Бельяна, она другая, её имени ещё никто не знает.

Благодаря этим ложным – трикотажным, велюровым, батистовым подружкам, её – Каннибала сердец – ещё не смог никто разоблачить. Она не оставляла следов, и сердца не хранила в сундуках, а безжалостно и с чувством исполненного долга глотала жертву, а потом испарялась. Больные ощущения, больная фантазия – это все постсимптомы, оставшиеся у жертвы.

Она – Медея. Платье ее – мокрое, сотканное из тонких волокон людских слез, волосы ее – плетение человеческих душ, которые просят о помощи, а организм неумолимо издает все ритмы марша – реквиема. Он отражает не танец од-

ного бьющегося сердца, а симфонию вырванных сердец, что присвоила себе. И теперь все они бьются у неё внутри, не давая покоя. Любовь не даёт ей покоя. Она думала, что убила их всех, но сердца будут биться, пока не сожгут ее дотла. И это произносит никто иной, а тот болван, что сидит на последнем месте, – я.

Музыкальные динамики, что оттаптывают каждый вечер мои престарелые барабанные перепонки, в изнеможении шепчут: «Приятель, закат уже, пора нам всем, а ты на старости решил поиграть в песочнице? Решил поиграть с девчонкой? Как насчёт того, что уже ровно двадцать один месяц никто не сидит за этим столом, и все считают, что это пустое место? И бокал на столе стоит не потому что ты из него пьешь, а потому что его забыли убрать. Ровно двадцать один месяц назад». Это утверждали не только перепонки, но и зеркало. Но сегодня кальвадоса во мне было больше, чем положено моим старческим корням, и это свершилось...

На первой странице газеты: «Вчера некий господин К. устроил драку в городском баре „Гротеск“. Мужчина в состоянии алкогольного опьянения и, как оказалось позже, в приступе белой горячки бросился на сцену ломать музыкальную аппаратуру. При усмирении буйного посетителя пострадала солистка группы Бельяна. По официальным данным, девушка уже не первый раз демонстрирует свой жгучий нрав, проявляющийся в потасовках. В состоянии агрессии она набросилась на бунтовщика. В последующем интервью девушка

расскажет, что послужило для такой реакции, но, как объясняет организатор группы, – солистка уже не впервые выражает неприязнь к подобным посетителям. Не удивительно – ведь подобные сцены срывают концерты многим творческим группам».

Пропотевшая чашка оставила кофейный круг на передовой статье городской газеты. Несмотря на то, что Квинто проявлял совершенно индифферентное отношение к массмедиа, сегодня у этого дохлого храпака газета была разорвана на тонкие кусочки, а значит – он её читал, и читал что-то важное.

Знакомьтесь, мой начальник Квинто, имени даже знать не хочу. Разбитая голова выбросила ровно половину информации, хранившейся у меня доселе. Узнав о пикантном событии, нетрудно представить – какая реакция сопровождала высохшего кощея. Да и причина тому была весомая: он был передовой фигурой на шахматной доске социальной сферы бизнеса – представителем государственного объединения «Диакония», которая предоставляла помощь людям с деменцией. Филиалы по всей стране предлагали полный спектр услуг по уходу за больными: дома в коммунах, питание, спорт, медицинское обслуживание, когнитивное развитие и культмассовый сектор. Ему же предоставлялась свобода в коммерческих операциях на «шахматном полотне». И когда один из представителей этой организации – в данном случае я – производит такой диссонанс, это подрывает ре-

путацию бюрократической машины всех благотворительных организаций страны. При малейших отклонениях от нашего привычного темпа профессиональной жизни Квинто очень огорчается и уплывает в дальнюю ипохондрию, отчего страдают как минимум двести восемьдесят четыре человека из нашего штата. Кровожадный меценат, закрывая плотную завесу от бликов папарацци, запирая скромные дубовые двери на засов, позволяет всей накопившейся желчи вылиться нам в лицо.

Между тем коллектив изображал и не навязанное чувство негодования, и вместе с тем необъятных размеров сочувствие смиренному и скромному филантропу за то, что он положил столько сил для реализации высокой цели, а подобные сотрудники (в лице меня) оскверняют благородный образ всей команды.

Ночь я провёл за решёткой. Не один. С ней.

Мы должны были вести новый проект по интеграции в общество умственно и физически отсталых людей, которые будут задействованы в социальном и природоохранном секторе нашего города. Всё, что нужно было, – провести долгие и, самое главное, увлекательные беседы с родителями или попечителями наших «клиентов», собрать подписи с положительными ответами и отвезти предложение в департамент, где нам предоставлялся первый взнос. Задача наших подопечных будет заключаться в высадке растений, уборке парков, а также – самое главное и рискованное: они будут за-

действованы в культурно-массовом мероприятии, чтобы вызвать поддержку масс, склонить их к пожертвованиям. Но мой идиотизм не дал возможности это- му реализоваться.

В тот вечер меня задержала полиция, резкими отработанными движениями меня схватили и поволокли в машину. Намеки на сопротивление были, но это скорее походило на смешную пародию японского воина, владеющего Ушу. Они же постарались приложить максимум усилий, чтобы ограничить мои телодвижения.

– Робби-пельмень! Садись вместе с Рикком сзади, придавите этого червя с обеих сторон, чтоб не рыпался! Он мне и так, ублюдок, выходной испортил, сейчас я должен был сидеть уже с семьёй, попивать калифорнийское вино и забавлять свою красавицу-жену. В общем – выполняйте! Два неповоротливых «шара» стали, словно слоны в лавке порцелана, укладывать свои конечности на заднем кресле машины. Запах был от них настолько мерзок, что мне понадобился минимум времени, дабы начать процесс отрезвления. Но все же моя горячка продолжалась. Оглянувшись, я не понимал до конца, что со мной творится, и где я. Словно главный герой психоделического фильма, я видел действительность, процессы, абсолютно несвязанные между собой логикой. Впереди ехала очередь парнокопытных железяк, что пытались взмыть вверх против движения эскалатора. Полотно крутилось в одну сторону, а металлические чудовища двигались в обратную. Мы будто ехали по порочному кругу.

Взбитые сливки из зелени проложили личный коридор, и все они были такими одинаковыми, словно хотели сбить с толку. Враги, кругом одни враги, и главный мой враг – тот...

– Черт побери, ах ты животное! Останавливай, он наблюдал прямо в машине!

– Пельмень, ты не мог во время достать пакет? Своей задницей ты закрыл выдвижные полки с аптечкой!

Такой свиньей я ещё не был. Услышав на себя брань, я вяло промямлил что-то вроде «Пардон» и начал вытирать лицо рукавом. Я выглянул в окно. Три минуты, и мы только что проехали границы Украины. И снова бездонные морские поля. Мне казалось – это мираж. Но нет, мне не показалось, это действительно был мираж – на миг нас окружила целая армия пшеничных полей, залитых солнцем. Здесь будто ярче светило солнце, оттеняло и подчёркивало красоту пшеничных кос, и я, пьяная свинья составком белой горячки и грязным рукавом, как ребёнок уткнулся в эти бездонные дали. Смешно признать, но именно здесь я затосковал по дому. Нет, не тому, что на Векхинген штрассе с черепичными крышами. Это был иной дом, который был мною позабыт пятнадцать лет назад.

Я вспомнил о родине. О молодой Роксолане, что в моей сказке оказалась не такой умной, как в истории Коцюбинского. Она прожила все отрочество в цветущей молодости и вечных развлечениях. Родители дали ей необыкновенное имя – Украина, чем предначертали неопытной девчонке тра-

гичное существование. Казалось, в этом имени хранится родовое проклятие, обрекавшее молодую девушку на заключение, вечное заключение у чужих мужчин. Ей дали паспорт совершеннолетия двадцать лет назад, но, по иронии судьбы, глупая девчонка не знала ещё своих козырей в этом возрасте, а потому брала наличными, самонадеянно полагая, что ее молодость продлится вечно. Расчетное время – один час. Сухой, методичный, ни к чему не обязывающий секс.

Она выкуривала пачку дешевого табака, чей дым застывал в небесных гущах ее волос и отравлял воздух не только ей, но и соседям. День прошёл, выручка потрачена. Настолько глупо, настолько опрометчиво выбрасывала она на ветер свою награду, будто независимость ее продлится вечно, а незрелая девчонка станет опытной самодостаточной женщиной, что остановит время в глазах мужчин, будет прельщать их в своих будуарах. Ирония судьбы. Все решилось иначе. Табак отравил её лёгкие, что впился, словно пиявка, в грунт и производит новых мутантов, предающих свою Краину – без отдыха, с удовольствием. Она отравила себя глупостью, что рекой протекала по всем трущобам и производила такое же потомство от одноразовых мужчин после одноразового секса. «Ordnung muss sein» – это понятие ей незнакомо. Может, поэтому оба героя скучали по своей стране. Этот режим вызывал в них ломку. Опустив бороду, ее поклонники уже перестали узнавать старую путану. С бородой к приятелям, не спеша, пришла мудрость, а она все ещё оставалась тем

«синим чулком», что лишь на словах

оставалась независимой. Табак отравил её лёгкие... Он завис неподвижно над облаками навсегда, загораживая проход солнцу. И теперь Краина не видела рассвета, а лишь вечно серые будни, что грязным полотном нависали над ней. Краина-Роксолана жила так, словно никогда не будет конца, ожидая, что скоро она наконец станет уважаемой дамой с безупречным реноме и получит дифирамбы от вечных поклонников. Но та же судьба распорядилась иначе – табак и глупость заразили ее, продали ее органы для экспериментов. Экскременты – вот всё, что осталось. Смотрит в паспорт, а там снова двадцать, но уже в кубе и восьмой прогрессии. Это давит на ее самолюбие. И больше уже ничего не болит, ведь органы проданы, и болеть нечему... и честь не напоминает о себе. Краина. Глупость и Табак. Кто бы мог подумать: увидела бы в глаза этого врага – ничего бы не произошло. Но глаза были упорно закрыты... закрыты, когда она была в постели, закрыты – когда отдавала себя в аренду, закрыты – когда дым закрывал рассвет. Она не спешила увидеть прелести этого мира. Паспорт просрочен.

Она – сбежавшая жена, что побывала в постели у многих стран, и, насытившись жеманностью любовников, она – выпотрошенная, уставшая и глубоко несчастная возвращается с пустым чемоданом домой, там, где родилась, в свой Отчий Дом – одинокий, поседевший, но верящий, с детской надеждой верящий, что Краина умрёт здесь, на своём ме-

сте. И это знаменательное событие, роковой случай, который напомнил ей о своём Муже, произошел: выйдя из пыльного, кашляющего автобуса, она увидела щекочущий её память одинокий домик. Он стоял поодаль от хаотичного города, что спешно выплевывает часы, дни недели, не давая людям возможности совершить задуманное. Этот Дом был её Отцом, поэтому после долгих блужданий она стыдилась подойти к нему ближе, боясь получить заслуженную оплеуху или удар коварного лассо. Справа от дома разносился медовый запах цветущей яблони. Это – добродушная Мать, что всегда смягчала всплески гнева отца и угощала Краину сочными яблоками.

Почему я сам стал предателем? Почему я сбежал?!.. Это типичный вопрос, который задают мне те, кто не смог вовремя выехать, кто не хотел, или кто попал под гипноз профанации. На этот вопрос я отвечаю вопросом: «Когда мы любим и желаем счастья нашей женщине, разве не должны ли мы ее отпустить?» Каждому человеку, как и любви, предписан свой срок. Мой был исчерпан, моя польза сведена к нулю. Все, что я мог сделать, уже не понадобилось. Во мне ещё живёт надежда, что она сможет принять меня хотя бы в друзья, хотя бы в гости. Но, как только я пересекаю границу, делаю шаг в ее личное пространство, то осознаю, что уже хочу выпить чаю, но не покурить.

Я слишком сильно ее уважаю, просто – чаю... Жёлтые колосья наводили на меня сентиментальный плач, скупые слё-

зы, а она их никогда не увидит. Почему я пополняю ряды дезертиров? Покупаю чужой хлеб, пью незнакомое мне пиво и голосую за чужих мне?..

Я был окружен «объятиями» двух переживших жеребцов и от этого чувствовал себя паскудно. Мне это напоминало процесс замедленной эвтаназии, при котором, чем ближе они были ко мне, тем мучительнее для меня, они будто отключали мой аппарат жизнеобеспечения, и я терял жизнь, не спеша, изводясь в страданиях, ведь «Ordnung muss sein».

А мозг сопротивлялся. Говорят, что мозг может жить ещё несколько минут после остановки сердца. Забавно, и тут сердце нас подводит, а разум остаётся непоколебимым.

Два жирдяя, сидящие по обе стороны, удивлённо смотрели на меня и фиксировали взглядами, как быстро меняется спектр моих эмоций: грусть, отвращение, отчаяние, слёзы, слёзы, улыбка... Мы проехали желтое поле. Это то чувство, когда по прошествию долгих лет ты встречаешь свою первую любовь и осознаешь – в каком паскудном ты сейчас виде, и, словно истукан, застываешь на месте, претворившись неудачным подобием столба, и ждёшь, когда она, первая любовь, пройдет мимо, не заметив. Я – смешной кретин, что в своём возрасте не могу достойно посмотреть на неё и завести разговор. Глаза меня выдавали – они были полны страха, хоть и внимательно следили за её походкой, жестами и мимикой. Сердце ускоряло свой бит, что заставляло кровь быстрее циркулировать по телу.

Стремительно я начинаю потеть, железы начинают защищать меня от перегрева – лоб и руки вспотели. Я – не подросший кретин с просевшими щеками и животом – до сих пор не научился держать себя достойно перед такой... всегда достойной – только не меня – дамой. И тут с рёвом мотора усилилось движение автомобиля. Моя первая любовь скрылась из виду. Машина взвыла, а я снова, в который раз, не смог должно подготовиться к этой встрече. Она – все так же носит па- хучий пшеничный венок на макушке.... Постарела, но все равно любима.

Билли имела других спутников в машине, но таких же жирных. Смотря на спидометр, она понимала, что правила дорожного движения не распространяются на доблестных хранителей закона. Но, несмотря на быстрый полёт «казенной собаки», Бельяне не было страшно.

«Меня не тошнило, я ведь была на работе – трезвая, скучная, начитывающая знакомый текст. Видимо, этот кретин – такой же неудачник по жизни... Не плевать ли мне?.. Он испортил к чертям весь мой концерт, моё платье и свел на нет настроение публики...

А было ли когда-нибудь моё настроение хорошим?..

Вспомнить бы... Вспомнила... Когда Корнелия принесла меня из детдома. Как её сейчас не хватает... Первый раз именно у неё я почувствовала, что такое тёплая ванна, и узнала, что для неё существует пахучая пена. Она мне рассказала, что люди добывают молоко из коровьего вымени, а

детей каждую осень не отдают в концентрационный лагерь, а просто в школу. Все, что я запомнила из своего детства с моими так называемыми родителями, – это две вещи: за плохое поведение детей отправляют в исправительные лагеря и кормят водой и хлебом, второе – за попытку сбежать оттуда им засовывают иголки под ногти. Больше я ничего полезного не вынесла из дома на улице Макиавелли.

Кому-то из соседей было также наплевать на моё положение.... Нет, не то чтобы. Они сочувствовали, стоя в стороне, но помочь ничем не могли, так как:

А. Вторжение в личное пространство не приветствовалось законом.

Б. В период господства тоталитаризма и смежного с ним кризиса, детдома все равно были переполнены, и для меня свободного места там не находилось. Председатель палаты по делам молодёжи недавно выдвинул законопроект, согласно которому региональные меценаты должны жертвовать семь процентов ежегодного дохода на развитие детдомов. Таким образом, меценаты освобождаются от оплаты подоходного налога на свой бизнес. Пушистые прачки, угрюмые заведующие домов, все скопом поменялись в лицах и захлопали в ладоши. Каждая начала мечтать – какая же часть пирога достанется ей – с начинкой детских какашек или обгорелый уголёк. Каждый был рад любому прибавлению.

Но поезд сообщением «горсовет-госадминистрация» остановился на полпути, где-то в районе столицы. Бюджет

застрял в самом жерле бюрократической машины. Как-никак столица нуждается больше. Поэтому хлопки в домах закончились очень скоро.

Корнелия работала санитаркой в детдоме и была знакома со мной с первого дня моего прибытия. Тайно прочитав дело и ознакомившись с моим родовым деревом, она поняла, что знакома с моей тёткой. В то время я была ещё мала, но уже тогда тётка предчувствовала, что здесь я не познаю полноценной жизни, и в период семейного кризиса она всячески старалась мне найти место в детдоме. И тут пришла на помощь Корнелия. Она искренне хотела взять меня с собой, и каждый раз, когда тётка гуляла со мной, Корнелия при встрече всегда старалась меня чем-либо угостить.

Само здание для меня не было чем-то примечательным. Я особо не чувствовала разницы между теми трущобами, где мне приходилось засыпать, и тем, что я увидела в детском доме. Тетушке пришлось здорово попотеть, чтоб собрать все документы и оспорить желание родителей... желание выплатить им моральную компенсацию за то, что отняли ребёнка. Но взять меня обратно при условии трезвого существования они даже и не намеревались. Детдом для меня стал местом ожидания, ожидания – когда Корнелия заступит на смену и снова возьмёт надо мной опеку. А все остальное время, проводимое без неё, я должна была напрягать все чувства восприятия – слух, обоняние, зрение, скорость и силу удара, просто чтобы прожить ещё один день в детдоме. Для

меня лично это заведение можно было назвать детским садом более строгого управления, так как меня в конце недели забирали, а остальных детей нет; а почему более строгого – наверное, и так ясно.

Мне выделили крошечную кровать, которая едва могла соответствовать моему росту. Потекшие стены говорили о том, что жажду мы чувствовать не будем. И вообще, вся комната была пропитана сыростью: дети, игрушки, настроение – все было сырым. Казалось, я нахожусь в заболоченной тайге, и от одиночества, паскудного климата здесь скоро начнёт расти мох, будут стелиться лужи и гулять ветер. Но все же одно большое преимущество в этом месте было – мои раны стали быстрее заживать. Дома они не успевали даже покрыться пленкой, как появлялись новые.

Глава 2

Я брел по тёмной улице из того места, что стало мне давно знакомым и родным – исправительного изолятора. Он смог в короткие сроки стать для меня привычной пивнушкой, куда идут все мужики, чтоб просадить заработанные на стройке деньги. Я «просаживал» время, и именно в изоляторе. Это жуткое место, как ни странно, подарило мне широкий плацдарм для размышлений. Дома я сосредоточиться не мог, всё претило. Меня даже не смущал худощавый полицейский, что время от времени смотрел на меня, как на провинившуюся собаку. Вот-вот он встанет и небрежно кинет мне кусок сухаря, чтоб заткнуть рот. Но я и так ничего не говорил, но то, что в глубине души меня преследовали Эринии, нельзя было отрицать. Словно выйдя из наркотического опьянения, я начинаю прокручивать все, что произошло три дня назад. Чушь собачья. Я не мог так поступить, а если и поступил, то мне нужна медицинская помощь. Хм, как забавно, разве мне раньше она не нужна была?.. Смотря правде в глаза, можно легко прийти к выводу, что никогда не отличался моральностью в поведении, а следовательно, был неприемлем для общества. Чёрт побери, а что такое моральность? Где она заканчивается? Кто их предписал – законы, догмы, принципы? Все пропитано общественными штампами – нормы поведения, мироощущения. Даже жизненная цикличность пропа-

гандируется в том русле, в котором привыкло видеть наше консервативное общество: тридцать лет, это та точка отчёта, с которой обязана начаться твоя семейная жизнь, иначе ты будешь прозван в кругах «синим чулком». А законы- то, законы? Кто их создал, где найдены для них доказательства? Для нас напечатали – чёрным по белому, что созданы вакцины от СПИДа и рака, а мы сразу это приняли за достоверный факт (закон), который не может быть опровергнут. Только количество умерших почему-то не уменьшается. Неужели мы стали так глупы?!.. Или продолжаем быть глупыми?! Мы наивны, потому что поддаёмся влиянию ораторов, которые, кроме искусства убеждения, не владеют больше ничем. А зачем?! Нам не важно знать правду, нам важно выполнять приказы. А я этого не хочу, я диссидент коммунистического общества, дивергент антиутопического романа и просто антагонист, который хочет повернуть по диагонали, но не в сторону.

Мне запрещают любить так, как я умею, потому что это аморально и нарушает комфорт многих. А мне нарушает комфорт реклама, что медленно и мучительно поглощает мои клетки мозга и ведёт к полному тлению серой жидкости. Мне не доставляет комфорта бюрократия, где чётко разделены социальные группы и, родись ты не в выгодной для тебя семье, – ты будешь обречен на вечную терпимость по отношению к высшему обществу. Эта терпимость тебя и погубит.

Пока этот кретин болтал у меня в голове, я позволил се- бе

отвлечься. Монолог маленького человека, который все равно не способен сделать что-то весомое; вместо пустой болтовни все равно останется между нами и не приведёт ни к чему, поэтому мне хотелось отвлечься от его революционных взглядов.

– Слабак! Просто признайся, что ты слабак! Ты даже смирился со мной, кто пришёл в твою голову без стука и пустил свои корни. Ты даже с этим миришься! И что теперь – гордишься тем, что у тебя раздвоение личности, как у настоящего писателя? Тюфяк! Хотя у тебя только это и осталось от истинного творца – психическая неустойчивость.

Казалось то, что пришло к нему в голову и давно уже приватизировало себе там место, было не мужского рода, а женского. Причём это было женщиной... лет так пятидесяти, пережившей сложный период климакса и одиночества, потерявшей либидо. И поэтому, чтоб выплеснуть недовольство на общество, он у неё импотент, а она – сквалыжная Горгона.

Он брёл по заснеженной улице, всё – будто во сне, картина была слишком красива, чтоб казаться действительностью. Он протаптывал следы первый, безликим ноябрём, в час, когда даже луна ещё спала, не то, что солнце. Улицы были невнимательными вахтерами, что пропускали по свим тротуарам всех подряд. Но сегодня он был единственным пешеходом. Редкие проблески света от уличных фонарей не давали ему заблудиться. Он смотрел вперёд и видел лишь белую дымку перед собой – сыпал приятный предрождествен-

ский снег, быстро превращающийся в мокрый дождь. Было очаровательно и одновременно тоскливо. Человек из существа социального превратился в зависимого от социума – совсем потерял способность наслаждаться тишиной, природой, одиночеством. Ежедневно мы все находимся среди людей, но именно с ними мы по настоящему одиноки. А здесь... здесь природа не изменяет своему цикличному ритму: каждый вечер нам луна дарит спокойствие, шорох деревьев – умиротворение, а этот снег – возможность вспомнить детство. Почему среди людей у меня не возникает таких светлых мыслей? Я слишком часто стал смотреть в землю, а стоит поднять глаза, как вот оно – всё перед тобой, что нужно. Но мы стали дикарями... урбанистическими.

Жуть пропитывала все тело – улицы подозрительно пусты и безмолвны, дома нерушимо хранят покой хозяев. Я оставляю на земле свои следы – теперь все знают, куда я направляюсь, но я бы предпочел спрятаться от людей. Я понял, что мне стоит выходить на улицу чаще, но только ночью. Здесь в это время вдохновение не умирает – оно томится, ждёт, пока найдёшь ручку и запишешь.

Улицы освежились под осенним душем из густых облаков, и лунный свет зеркалом отражал водяные знаки на земельной глади. Одинокие фонари стояли на страже ночи и у их макушек кружились мотыльки. Я оглянулся и увидел только себя. Меня выдавали шлепки по лужам, но этот звук был приятным, он не мешал думать. Я шёл неспеша, разглядывая

распахнутые окна жильцов. Окна – проводники в космос, в неизведанный мир чужих семей. Нам всегда чужие лица кажутся счастливее, чем наши, чужие пары – сплоченнее, а чужой успех – весомее. Стоит притаиться, как ты увидишь через окно ту самую картину, которую от нас так усиленно прячет день. Вечер – отражает все незримые недостатки. Вечер выключает свет планеты, и люди включают искусственные лампы, сквозь рентгеновские лучи которых можно рассмотреть личное несчастье каждого.

«Ночью все кошки красивые» – гласит пословица. Но этот свет, словно на сцене прожектор, светящий на главного героя, позволяет присмотреться к нему совершенно с другого ракурса. И что я вижу: семья, живущая в согласии, оказывается, никогда не ужинает вместе, а дети находятся в разных комнатах. Лишь днём, когда свет отражается на всех одинаково, они вместе с привычным бельем и одеждой надевают привычное выражение лица и используют привычную формулу поведения. И тогда все течёт, как было запланировано, так ведь удобно. Она подает на ужин гарбузовый суп, выражая благосклонность к мужу, заботу о нем, и скрывает мысль, что он вот уже давно ее не удовлетворяет. Он с натертым блеском в глазах выражает восторг блюду, хотя всегда ненавидел гарбуз. И все живут счастливо и... терпимо. Мерзкая терпимость.

Тишина местности настолько завораживала, что плохие мысли сами канули в лету. Я увидел неподалёку во дворе ла-

вочку под молодой ивой и решил присесть.

При выходе из дворика на центральную улицу я заметил сидящую на чемодане женщину. Она играла на аккордеоне. Возраст ее приближался к бальзаковскому, но в глазах было столько воодушевления, что оно делало ее много моложе и свежее. Казалось, что сырая погода доставляла ей более удовольствия, нежели трудностей. Так чувствуют себя люди, выбравшиеся на волю. Их не смущают такие мелочи, как погода, шум и пыльные улицы. Напротив, всё это – словно завораживающая карусель добавляло радости и чёткого осознания, что человек действительно на воле. В её глазах это выглядело спасением божьим. Её музыка рассказывала о ней всё: как женщина только что сбежала из семьи, и единственное, что ей захотелось взять с собой, этот аккордеон, единственное – дарящее ей свободу воображения, полёт в свой внутренний мир, двери которого открыты только для нее самой. В этот раз обратного билета она не взяла, а потому двери закроются за ней навечно. Я был уверен, что она не вернется. Её лицо отображало такое внутреннее удовольствие, что становилось ясно – это не работа, это не постоянное её место. Она просто пришла, просто села, играет здесь и сейчас. Аккордеон давал ей пространство для глубокого дыхания, я видел, как она с удовольствием вдыхала воздух и растягивала плотную кожу инструмента. Это была та из сумасшедших женщин, что рано отдают себя семье, не понимая до конца смысла этого ритуала. И сейчас глазами испуганно-

го травоядного она ищет куда бы податься, чтоб не оставить след хищнику. Да, пожалуй, она смотрелась странно. Вмиг я ощутил присутствие посторонних аккордов в собственных ушах: та рит-мика, которую исполняла женщина, не совпала с тем, что я вдруг стал слышать. Мелодии смешались в один неразборчивый салат, и я оказался сбит с толку. Оглядываясь по сторонам, я начал всматриваться в окна домов, где включён свет. На миг я перестал верить себе и... своим глазам в частности. В одном из окон я опять увидел её. Это был огромный зал, освещенный миллионами мелких лампочек. В этом зале танцевала она.

Глава 3

Он смотрел на неё, как на героиню любимого фильма.

Случайный прохожий, отчаянный зритель, который не способен осуществить свою мечту. Да что там мечту?!.. просверленная дыра в свитере и голове впускает воздух гулять по пустынным стенам души и разума. Он не знает, что такое иметь собственный сценарий, не знает, как сделать что-либо значимое. Он лишь зритель. Самое значимое, что он сделал в своей жизни, – повысил кассу отечественной музыкальной индустрии, отдав всю свою зарплату, чтобы пялиться на свою героиню.

Он продолжал нести далекое существование. Лишь зритель. Каждый раз, возвращаясь в пыльной электричке домой, он перебивал в нирване от увиденного: запах праздника щекотал нос, и запах цирка не давал ему покоя всю ночь. Актриса, певица и артистка. Эти три слова нервировали его самолюбие.

А кто я?.. Пыль. Сидящий в предпоследнем ряду, он лучше всех мог ощущать, как она пахнет, и каждый раз этот запах был разным. И только он видел, как их взгляды встречаются. Его сердце сжималось. А она смотрела сквозь него, глаза её были стеклянными, она просто делала свою работу. Лишь запах её всегда был живым и настоящим. Он возбуждал каждого мужчину, заставлял каждого выбраться на

сцену и схватить её. Ему было тошно от осознания, что ими двигал лишь животный инстинкт. Любуясь её движениями, он словно старался прочесть понятную книгу. Но настолько тщательно старался он это сделать, как не старался никто иной, ни один слепой, что ощупывает очертания букв при чтении. Она несла праздник, заставляла каждого зрителя окунуться в мир иллюзии и надеть розовые очки.

Её плавные движения, невероятные, неподдающиеся законам физики движения дарили ощущение непередаваемой мотивации делать что-то великое, поражать, заставлять людей хлопать, восклицать. Систола прыгала вверх, зрачки расширялись, а организм переставал контролировать дыхание. Спектр видимости сужался настолько, что просто было неважно – кто сидит сбоку. Рецепторы и рефлексy возмущения атрофировались, и прожектор светил лишь на неё, переливаясь всеми цветами радуги. Изящный обман дарила она со сцены. Зрители готовы были верить, что мир стоит на четырёх слонах, что мы будем жить вечно, что голод и глобальное потепление – это лишь очередная профанация. Разве это важно?! Она будит тщеславие каждого, будит и спрашивает: «А слабо ли тебе сделать это?» – «Слабо», – отвечает он и жадно, не разжевывая, глотает её запах, не делаясь ни с кем из тех голодных хищников, что не могут рассмотреть в ней гения.

Он неспешно поднимается и словно впервые, но точно зная – чего хочет, направляется к сцене. Словно маньяк, он

идёт уверенно, аккуратно ступая на пол, не пугая зрителей (и его на самом деле никто не видит), он крадется к ней как хищник. Освещение приглушённое, он смотрит вперёд из-под лба, а глаза полны необратимой уверенности идти только вперёд и больше никуда. Все были слишком заняты, чтоб замечать такую мелочь – как он. Перед самым броском на лань, тигры всегда прибавляют скорость, они приседают так низко, что кажется – сливаются с землёй, но, агрессивно оттолкнувшись от почвы, они бросаются на жертву, навив когти ей прямо в глаза.

Это был странный поступок, будто она – не любовь его жизни, а вечный враг, что не даёт покоя. Это вроде воображаемого героя, что живёт у шизофреника в голове, и бедняга каждый раз пытается выгнать его из своего сознания, борется и убивает этого гостя снова и снова. Сегодня этим больным снова стал он. Каменные «лбы», что якобы охраняли сцену, спали с открытыми глазами и не замечали, как кто-то ломится на сцену.

Он разогнался и правой ногой взмыл на сцену. Музыка потеряла тональность, гости издали привычный жест для паники – взвыли от неожиданности и схватились за головы. Он крепко сжал ее голову обеими руками, чтобы та не могла сопротивляться, и поцеловал. Концертный кокошник, красовавшийся на её макушке, с треском упал. Бельяна не поняла – от чего ей нужно спасаться. Он убежал. Все произошло мгновенно...

Глава 4

Я танцевала на сцене, взгляд был стеклянным, а мозг отключенным, потому что я помнила свои обязанности наизусть. Механические движения заводили в радостный хоровод всех зрителей, и никто не подозревал о выходе ситуации из-под контроля, даже несмотря на то, что три дня назад случилась подобная ситуация. Глупые охранники, стоявшие «для мебели», не смогли вовремя сориентироваться. Бельяна вместе с группой в очередной раз сидела на приёме у городского участкового с дачей показаний.

«Этот ублюдок настолько быстро все делал, что я впервые не успела сгруппироваться, чтоб оказать сопротивление. Что-то липкое, совершенно мерзкое присосалось к моим губам, не спросив на то разрешения...» – эти строки она уже писала в дневнике, ведь это не то, что обычно говорят при полицейских показаниях. На самом деле она чувствовала, что этот самый ублюдок и прошлый дебошир – один и тот же человек, но у неё не было доказательств и даже полной уверенности в том, что оба инцидента связаны с одним и тем же мужчиной. Учитывая тот факт, что сама она была с большими странностями, то не чувствовала страха и не ощущала паники, а старалась понять – зачем он это делает.

Обыкновенный фетишист?.. Нет, что-то в его поступках было другое. Мотив, слова... да и вообще – может, это бы-

ли два разных человека?.. Как я могу давать характеристику прежде, чем удостоверюсь в этом?

Она сидела дома на своём любимом месте в зале, который имел трапецевидный уголок: возле широкого окна был большой подоконник, уложенный пушистыми подушками, она взбиралась на него с кружкой горячего и долго смотрела на хаотичный город.

«Хорошо быть свободным от тела», – подумала она. Он совершенно не был скован своими предрассудками (*услышав это, он бывдовольно посмеялся*). Он ушёл наверняка даже не подозревая, что его уже все осуждают. Шагая и смотря на жертву, ему было плевать на мнение общества, что полно штампов в своем мироощущении, что якобы оно знает, что хорошо, а что плохо, – прочитав о том в дешевом чтении или увидев по телевизору. Люди, считающие, если что-то провозгласила рука правления, то это верно, а то, что сделал некий индивид, решив самостоятельно, – это преступление. Он же был свободен!.. Он будто ворон, что накопил мешок лесных законов, перебирающий их по ночам и гордясь своей добычей. Он ни с кем не делился своим пониманием и странным взглядом на жизнь, ведь «чёрных лошадок» избегают. Он свободен от тела, он его не слушается.

Вылетает из этого плотного спального мешка, чтоб раскрыть крылья, избавиться от запаха дешевого парфюма, который выбирают все, отказывается пользоваться вещами масштабного производства и предпочитает носить тряпки.

Антагонист в чистом виде, но тот, что несёт истинную правду...

Глава 5

Дура, что я пью?!.. Посмотрев в чашку, она лишь тогда заметила, что в ней остался недопитый вчера коньяк с кофе, а она-то думала, что хлебает холодный чай.

Ночь делала с ним невероятное. Когда кошки уже готовятся рожать, они ведут себя, как минимум, странно, когда собаки и волки предчувствуют беду, они начинают выть и, по меньшей мере, ведут себя возбужденно. Когда его накрывает вдохновение, он ведёт себя неадекватно, а этого события с поцелуем он уже не помнил. Он мчался домой, чтобы схватить клочок бумаги и начать писать. Эта невероятная доза адреналина текла через нос, звенела в ушах, заставляла его чувствовать себя счастливым. Ноги сами несли его домой – он всё ещё был свободен от тела. Заряд энергии, мелькающий всплеск улыбки, снова потерянность... снова улыбка... Это пугало прохожих. Его несла неведомая сила домой. «Писать, писать, ни единой минуты покоя, вся ночь моя...» Эта странная особенность проявилась лишь в сорокалетнем возрасте. Раньше... раньше его возбуждала тяга к письму и те банальные вещи, что вдохновляют большинство. Раньше он был состоятельным, а теперь – без гроша в кармане, но свободен от своего тела. Вдохновение раскрывается, словно расцветающая роза, благоухающая, искрящаяся новыми оттенками божественного запаха. Вдохновение брызжет со-

ком, выплескивается словно лава из вулкана, рассеивает тепло по всему телу и не даёт вернуться в реальность. «Это самый сочный, самый созревший фрукт – персимон жгучего оранжа, который я разорву жадными пальцами на дольки. Я проникну в его мелкие волокна, раскрою плоть, и оттуда взметнется, словно гейзер, токсичный сок». Его хочется пить всегда, потому что он вызывает сладкую зависимость, неодолимую жажду жадно пить с животной прытью. И семена, прячущиеся в ядре плода, – это и есть вдохновение. Порой приходится проделать огромный путь, чтобы достичь центра, достать драгоценное семя и взрастить новые деревья неисчерпаемого вдохновения. Это то чувство, когда от творческого голода у тебя пропадает аппетит, а здесь от ощущения экстаза у тебя текут слюнки и бегают зрачки. «Да, это лучше, чем оргазм, лучше, чем все мирские открытия и достижения. Вот оно – то наслаждение, которое я боялся забыть навсегда».

Он забежал в прихожую, на ходу скидывая башмаки. Это тот самый случай, знаменательный и памятный, который он утром отметит в календаре: он не спал всю ночь и провёл с пером без капли спиртного, без единой бутылки алкоголя. Он целое утро будет размышлять о том, что привело его к этому состоянию?.. И... он захочет вернуть его снова, чтобы опять писать, освободившись от тела, а значит и предрассудков, стереотипов, комплексов.

После бессонной ночи он решил перед началом рабоче-

го дня немного освежиться. Спешно залез в душ и включил горячую воду. Высокий рост, к сожалению, не давал покоя его голове, которой он то и дело ударялся или об углы, или задевая потолок в маршрутке. На этот раз она запуталась в мелкой паутине, что висела в углу ванной комнаты, которая в свою очередь была выложена деревом, от этого пауки любили плести сети по углам. Он взглянул вверх и ощутил себя не одиноким. Справа от него в углу поселилась скромная семья пауков, делающая заготовки на зиму. То, что обычно готовят люди – варенье, соленые огурцы и томаты, – пауков не прельщало. Для своих заготовок они выбирали мух и сверчков, совмещая при этом приятное с полезным, они оказывали одолжение хозяину квартиры – освобождали его от назойливого писка мух. Его не удручала мысль, что в обществе привыкли ассоциировать паутину с неопрятностью. Как ранее, ему и сейчас было плевать, поэтому пауков он не трогал. Лишь одного на пальце он поднес ближе к свету и увидел у того голубой оттенок крови. А ведь и впрямь – пауки имеют голубой цвет жил. То, что мы называем их кровью, на самом деле – гимолимфа, а она не течёт по венам и артериям, потому что их у пауков нет. «Я вполне бы мог рассказывать это ей... она бы наверняка удивилась таким гостям у меня дома. Хотя, может, у нее фобия?.. Арахнофобия – боязнь пауков, и во мне она атрофирована. Я их даже не опасуюсь, потому что они стали моей семьёй. Кто-то заводит кошек, собак, морских свинок, попугаев, а у меня пауки – всем врагам назло».

Он присмотрелся к семейке и увидел, что один запутался в своей же паутине, и это вопреки распространенному мифу, что пауки не могут запутываться в собственной паутине. Как же мы похожи с моей семейкой!

Мы сами куем своё счастье, а потом запутываемся в собственной судьбе».

Глава 6

Когда следующим утром я зашел к Тобиасу в комнату, он не хотел просыпаться, укутавшись плотнее от наступающего дня. Нахмутив свою физиономию, он произнёс:

– Ты опять пришел, чтобы сорвать мой налаженный график?

– Тобиас, наш с тобой график не отличается от тех прежних, которые у тебя на протяжении 35 лет.

– Этого нетможет быть.

– Почему же?

– Потому что мне всего восемнадцать.

Я совсем забыл. Тобиас страдает сразу несколькими заболеваниями, поэтому та коморбидность, которая в нём живёт уже долго, заставляет нас всегда быть очень осторожными с ним, так как один диагноз ярко влияет на другой, и из-за нашей неосторожности может пагубно повлиять на его психологическое состояние.

–

И

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.